

Чу Цзюань очнулся, когда день уже перевалил за полдень. Рядом с ним было тепло, Се Чэньлу полулежал на кушетке; на столе рядом лежали какие-то бумаги, но взгляд его был намертво прикован к Чу Цзюаню.

Даже с закрытыми глазами можно было ощутить этот взгляд — словно тело обдавало жаром пламени или по нему полз раздвоенный змеиный язык, медленно скользя от уголков глаз к вискам, а затем опускаясь ниже.

Се Чэньлу не сводил с него глаз всю ночь, лишь когда взошло солнце, он позволил себе ненадолго забыться сном. Но это длилось недолго: он быстро пришел в себя и снова заключил Чу Цзюаня в объятия, всю ночь не смыкая глаз, боясь, что стоит ему моргнуть, как всё это окажется сном.

Длинные волосы, рассыпанные по подушке, были лишь небрежно скототы белой нефритовой заколкой, а сквозь тонкую ткань ночного одеяния проглядывала полоска бледных ключиц. Чу Цзюань прикрыл глаза рукой и лишь спустя мгновение, нахмурившись, холодно произнес:

— На что ты смотришь?

Се Чэньлу, словно уязвленный холодным тоном, подался вперед, пытаясь выпросить поцелуй, но Чу Цзюань резко отвернулся, избегая касания.

Взгляд Се Чэньлу потемнел, веки опустились. Его горячее дыхание опалило шею Чу Цзюаня, и как раз в тот момент, когда тот решил, что сейчас последует вспышка гнева, Се Чэньлу в той же позе помог ему сесть.

После долгого сна, да еще и лишившись рога дракона — что было почти равносильно смерти, — телу требовалось немало времени на восстановление. На самом деле, Чу Цзюань мог справиться со многим и сам, но забота Се Чэньлу была доведена до пугающего совершенства.

— Довольно, я сам.

Чу Цзюаню всё еще было неловко от того, что Се Чэньлу раздевает его и переодевает. Нахмурившись, он отстранил его и сам взялся за одежду. На сей раз Се Чэньлу не стал спорить, а лишь молча повернулся и принес из стоявшей рядом печи чашу с ароматным бульоном.

— Рыба Цинлин из Северного Мрака. Я лично готовил её для Дворца Вэй. Попробуйте, Владыка?

Рука Чу Цзюаня, спрятанная в рукаве, непроизвольно дрогнула.

Бессмертным не обязательно было питаться, но триста лет назад, когда Се Чэньлу ради

спасения Божества Цинхэн пустил свою кровь на лекарство, его тело стало крайне слабым. Чу Цзюань, тревожась за него, искал всевозможные эликсиры, но Се Чэньлу ненавидел вкус лекарств и отказывался их принимать. Видя, как он день ото дня чахнет, Чу Цзюань хмурился от беспокойства.

Высокий Владыка Цзыдянь ради возлюбленного научился кулинарии. Руки, привыкшие к мечу, учились различать специи и крупы, он лично готовил для Се Чэньлу, лишь бы тот съел хоть немного и не был таким хилым.

День за днем, еще до восхода солнца, он вставал, чтобы сварить бульон, используя редчайшие дары природы. Столько сил было потрачено за эти сотни лет, чтобы вернуть Се Чэньлу к жизни, чтобы на его щеках появился румянец и он перестал быть таким пугающе худым.

А потом всё обернулось против него.

Из-за того, что он вошел в спальню Се Чэньлу до рассвета, Божество Цинхэн неверно истолковал ситуацию, между ними пробежала черная кошка, и Се Чэньлу, помрачнев, холодно отчитал его:

— Впредь, если нет срочных дел, прошу Владыку не входить в мои покои без спроса.

Чу Цзюань: «...»

Хотя у него, как у бесправного инструмента-подстилки, не было права голоса, он всё равно чувствовал себя обиженным! Даже если усердно кормить собаку, она хотя бы виляет хвостом! А Се Чэньлу — это неблагодарный волк, которого невозможно приручить!

Тогдашний Чу Цзюань и представить не мог, что однажды Се Чэньлу сам будет готовить для него.

Но...

Чу Цзюань безразлично смотрел на молочно-белый рыбный суп, желая что-то сказать, но медля. Спустя долгое время он поднял взгляд, нахмурившись:

— Я отродясь не ем рыбу Цинлин. Разве Нэйцзюнь не знал об этом?

В его глазах читалось сомнение.

Его мать родилась в Море Хунмэн, отцом был Небо, матерью — Земля. Впоследствии, когда одна рыба Цинлин поддержала его, чтобы он не утонул в море, он стал почитать этот вид как приемную мать. Под влиянием матери Чу Цзюань, хоть и не считал рыбу Цинлин своей родней,

никогда не употреблял её в пищу.

Пальцы Се Чэньлу, сжимавшие ложку, побелели. В одно мгновение ему показалось, будто что-то сдавило горло, не давая дышать.

Что бы он ни любил, чего бы ни желал — Чу Цзюань всегда помнил об этом, никогда не позволяя ему остаться разочарованным. Если он хотел рыбу, Чу Цзюань даже кости из неё вынимал.

А он... он даже не знал, что любит Владыка. Ему казалось, что он и так уже в неоплатном долгу перед ним, но оказалось, что долг этот куда больше, больше, чем он мог вообразить, и от этой мысли сердце болезненно сжалось.

Чу Цзюань отставил чашу на стол. Его голос был ровным, без тени эмоций, словно ничто в мире уже не могло его взволновать.

— Если Нэйцзюнь не знал, то впредь можешь не готовить.

Керамическая ложка звякнула о край чаши — звук был резким и холодным.

Тяжело раненый, он сидел на кушетке, и мерцающий свет падал на его лицо, подчеркивая печать усталости. В тот миг Се Чэньлу внезапно почувствовал, что Чу Цзюань бесконечно далек, так далек, что стало страшно.

— Владыка...

Но тот лишь слегка прикрыл глаза, не желая смотреть на него.

В боковом павильоне Дворца Вэй, где в курильнице с узором звериных ушей медленно курил дым, Се Чэньлу стоял, заложив руки за спину. Обычно сдержанный и холодный, сейчас он не скрывал явного раздражения.

— Почему мне не доложили о запретах Владыки?

Он решил приготовить рыбу Цинлин, увидев, как она нравится Владыке, но кто бы мог подумать, что она — его сородич.

Бессмертная дева, склонившись в поклоне и дрожа всем телом, пыталась оправдаться: Нэйцзюнь сам захотел это сделать, как она могла осмелиться помешать? Се Чэньлу помрачнел

еще сильнее и лишь спустя долгое время приказал ей убираться вон.

Дева поспешно выбежала, ворча вполголоса:

— Нэйцзюнь и сам не спрашивал, как я могла знать... Прошло уже триста лет, вся свита, что служила Дворцу Цзыдянь раньше, давно отправилась на испытания в мир смертных, откуда мне знать... К тому же, Нэйцзюнь — законный супруг Владыки, неужели он не знает о его предпочтениях?

Неизвестно почему, но после этих слов дева почувствовала, как по спине пробежал холодок, будто её пронзил чей-то ледяной взгляд. Она вздрогнула и потянула подруг:

— Скорее, уходим...

Лишь выйдя за ворота Дворца Вэй, старая служанка тихо объяснила:

— Говорят, отношения между Владыкой и Нэйцзюнем были сложными. Триста лет назад Нэйцзюнь был влюблен в Божество Цинхэн, доходило даже до разрыва... Так что неведение его вполне объяснимо.

— Родня Владыки... — охнула дева. — Это же надо было так промахнуться...

Идущие рядом поспешили закрыть ей рот, призывая поторопиться. Что там было триста лет назад — вопрос спорный, но сейчас Владыка Цзыдянь, несомненно, был главной ценностью в сердце Нэйцзюня, и такие вещи лучше не обсуждать.

Когда все ушли, Се Чэньлу всё еще стоял на месте, словно ледяная статуя. Лишь длинные ногти впились в ладони до рваных ран, выдавая его внутреннее состояние.

Спустя долгое время он вдруг с горечью усмехнулся.

И правда, всё верно. Он, будучи супругом Владыки сотни лет, даже не знал, кто его сородичи. Он действительно был перед ним в огромном долгу.

Накормить его сородичем — немудрено, что Владыка в гневе. Значит, Владыка просто злится, а он...

А что «он» — он боялся думать дальше.

В конце концов, это была лишь мелкая неприятность. После полудня пришел лекарь, осмотрел Чу Цзюаня и осторожно заметил:

— Хотя Дворец Вэй — место с самой обильной духовной энергией в Девяти Небесах, здесь слишком холодно, для восстановления тела это не лучший вариант. Лучше всего сменить место для отдыха.

Се Чэньлу сам был искусен в медицине, но когда дело касалось того, кто ему по-настоящему дорог, он терял самообладание. Выслушав лекаря, он наконец-то успокоился.

Чу Цзюань же во второй половине дня просматривал отчеты — всё-таки проспав триста лет, нужно было понять, что произошло в мире.

За триста лет, по сути, ничего не изменилось. В центре событий был лишь Се Чэньлу.

Когда он совсем обезумел, он перевернул вверх дном шесть кругов перерождения, пытаясь найти душу Чу Цзюаня, а затем устроил погром в Клане Демонов, да так, что даже самые дерзкие демоны рыдали от его меча.

Божество Цинхэн, пытаясь остановить безумие Се Чэньлу, встал у него на пути, тяжело раненый, и торжественно, с суровостью в голосе, упрекнул его:

— Ты сеешь хаос в трех мирах! Если так будет продолжаться, я лучше умру, чем позволю этому случиться!

Он думал, что Се Чэньлу безумствует ради него, но когда он так искренне и с чувством сыграл свою роль, Се Чэньлу просто обернулся и одним ударом сбил его с ног.

«...»

Ослепленный жадой крови Се Чэньлу не признавал никого, превратив ход истории в хаос. Главный герой едва не погиб, и Чу Цзюаню пришлось самому разгрести этот бардак.

В памяти Чу Цзюаня Се Чэньлу всегда был мягким и утонченным, особенно по отношению к Божеству Цинхэн. Трудно было представить, как он, с окровавленными одеждами, направляет меч на того, кого когда-то боготворил.

— Владыка, пора домой.

Он почувствовал, как сзади кто-то прижался, голос звучал неестественно мягко. Чу Цзюань привык к такому тону, но слегка отстранился и спросил:

— Куда?

Руки, словно изящный нефрит, обвились вокруг талии Чу Цзюаня. Неизвестно почему, но первой мыслью Чу Цзюаня была опасность: эти длинные, тонкие пальцы — кто знает, сколько крови они пролили за триста лет?

— Во Дворец Бисяо, в твой Дворец Бисяо...

Это место Чу Цзюань когда-то построил специально для него, потратив невообразимое количество сил и времени. Жаль только, что в этом дворце, возвышающемся над Девятью Небесами, Чу Цзюань не прожил ни дня.

Там когда-то лечился Божество Цинхэн, там били целебные ключи, это было первоклассное место силы, а самому Чу Цзюаню полагалось жить лишь в боковом павильоне за пределами Дворца Бисяо.

Се Чэньлу закрыл отчет в руках Чу Цзюаня:

— О чем задумался, Владыка?

— Думаю...

Юноша на мгновение замолчал. Снаружи бушевала метель, и он, словно действительно ничего не зная, взглянул в глубокие, темные глаза Се Чэньлу с нескрываемым сомнением.

— Думаю, правда ли мы были так близки, как ты говоришь?

Сердце Се Чэньлу замерло. На мгновение ему показалось, что Чу Цзюань всё вспомнил. Руки чуть сильнее сжали талию, но голос остался прежним:

— Почему Владыка так решил?

— Триста лет назад ты клялся в вечной любви, неужели, проснувшись, ты изменил свое сердце?

Горячее, обволакивающее дыхание щекотало ухо. В его словах было семь частей насмешки и три — угрозы, и понять его было невозможно.

Чу Цзюань один за другим разжал пальцы, обнимавшие его талию, и показал свежие красные следы на тыльной стороне ладони, словно в недоумении, словно изучая.

— Чэньлу, я не ем рыбу Цинлин не только потому, что она — мой сородич. А еще и потому, что каждый раз, когда я касаюсь её, мое тело охватывает жар. Ты ведь тоже это знаешь?

<http://bllate.org/book/18619/1792526>